

Дмитрий Сергеевич Устинов

Доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ustinov681@yahoo.com

Становление обвинения в древнерусском уголовном процессе: исторические и культурологические аспекты

Аннотация. Актуальность заявленной темы связана с многозначностью такого правового явления, как обвинение, его неоднозначной трактовкой законодателем, учеными и практиками, что обусловлено историческими и культурологическими особенностями российского уголовного процесса. Цель исследования – анализ возникновения и развития обвинения как сложной многоаспектной категории и выявление его роли в уголовном процессе в период Древнерусского государства. Предмет исследования составляют первые нормативные правовые акты, регулирующие производство по уголовным делам в Древней Руси, повлиявшие на состояние правовой культуры современного российского уголовного судопроизводства. Основные методы исследования – историко-юридический и логический. Научная новизна заключается в выводе автора о том, что обвинение возникло как многоаспектное явление, в котором сочетались материальный и процессуальный моменты.

Ключевые слова: уголовный процесс, обвинение, обвинительная деятельность, сторона обвинения, история развития обвинения.

Dmitry Sergeevich Ustinov

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
Saratov State Law Academy Candidate of Legal Sciences, Docent

Formation of the Charge in the Old Russian Criminal Process: Historical and Cultural Aspects

Annotation. The relevance of the stated topic is associated with the polysemy of such a legal phenomenon as the charge, its ambiguous interpretation by the legislator, scientists and practitioners, which is due to the historical and cultural features of the Russian criminal process. The purpose of the study is to analyze the emergence and development of the charge as a complex multi-aspect category and to identify its role in the criminal process during the period of the Old Russian state. The subject of the study is the first normative legal acts governing criminal proceedings in Ancient Rus', which influenced the state of the legal culture of modern

---

Russian criminal proceedings. The main methods are historical, legal and logical. Scientific novelty lies in the author's conclusion that the charge arose as a multi-aspect phenomenon, which combined material and procedural aspects.

Keywords: *criminal process, charge, accusatory activity, prosecution, history of the development of the charge.*

Существо уголовного судопроизводства в целом достаточно точно отражает общеизвестное выражение «нет обвинения — нет уголовного процесса». Обвинение как исходное направление уголовно-процессуальной деятельности возникло одновременно с появлением самого уголовного процесса, и их развитие во многом шло «рука об руку».

В Древней Руси право, возникнув как обычай, с приходом христианства и письменности постепенно приобретало форму законодательных актов, регулирующих различные общественные отношения, включая уголовно-правовые конфликты. Но уже изначально древнерусское уголовное судопроизводство по закону (по обычаям) носило форму обвинительно-состязательного процесса. Уголовное преследование могло быть возбуждено только по челобитной (жалобе) либо самого потерпевшего от преступления, либо его рода. Обвинитель и обвиняемый считались истцом и ответчиком. Производство по челобитной представляло собой совокупность обязательных формальных действий сторон. Если лицо, совершившее преступление, было неизвестно, то обвинитель приступал к его отысканию путем осуществления извода, свода (путем предъявления украденного лицу, у которого похищенное было приобретено, и выяснения истории появления похищенного у данного лица), а также следа (розыска по следам, оставленным преступником) [1, с. 32].

Обвинение подтверждалось доказательствами, носившими характер формальных подтверждений его обоснованности. К ним относили признание вины, «рота» при послухах (клятва в невиновности вместе со свидетелями «доброй славы», которые подтверждали, что обвиняемому можно верить и что его присяга чиста и не ложна) [2, с. 38]. Обвинитель мог также использовать для изобличения виновного в совершении преступления «поличное» — вещественные доказательства.

Особняком в этом ряду действий по доказыванию обвинения стояло поле (судебный поединок) и суд божий (ордалии). В данном случае обвинительная деятельность сводилась к требованию очиститься от обвинения и подозрения клятвой либо поединком между обвинителем и обвиняемым, а иногда и между родами этих участников процесса. Если побеждал обвинитель, то вина считалась доказанной, и наоборот, если выигрывал обвиняемый, то он признавался невиновным.

В случае ордалии изобличительная деятельность сводилась к опровержению обвинения специфичным испытанием для обвиняемого, поскольку считалось, что только Бог своим непосредственным вмешательством обнаружит его невиновность при испытании крестом, водой, огнем или ядом. В ходу была и кровная месть — убийство лица, совершившего убийство, либо члена его семьи в качестве возмездия. Даже вора, застигнутого на месте, можно было убить.

Таким образом, в дохристианский период Древнерусского государства уголовное судопроизводство характеризовалось частным характером, и, как следствие, лицо, в отношении которого было совершено преступление, должно было осуществлять обвинение самостоятельно, используя формализованные

доказательства. Сторона обвинения состояла из истца и его рода, он же являлся обвинителем. На ответчика (обвиняемого) возлагалась обязанность опровержения обвинения.

Указанный порядок демонстрирует высокий уровень правовой культуры осуществления обвинения и уголовного судопроизводства в Древнерусском государстве. Позже многие из этих обычаев были воплощены в русских законах и международных договорах, которые заключала Киевская Русь с другими государствами. В первом памятнике русского законодательства — в договоре Киевской Руси с Византией 911 г., посвященном, в основном, уголовному, международному праву и торговым отношениям, вопросы уголовного судопроизводства также были затронуты, хотя и достаточно поверхностно. Так, в ст. 3 данного договора указано: «Если случится злодеяние, договоримся так: пусть обвинение, содержащееся в публично представленных (вещественных) доказательствах, будет признано доказанным; если же какому-либо (доказательству) не станут верить, то пусть присягнет та сторона, которая домогается, чтобы ему (доказательству) не доверяли; и когда присягнет, согласно своей вере, пусть наказание будет соответствовать характеру преступления» [3, с. 11].

Это явилось первым законодательным упоминанием об уголовном судопроизводстве, об обвинении и обвинительной деятельности. Такое определение обвинения было весьма близко к сущности обвинения, отраженной затем в Русской Правде. И там и там обвинение понималось как «утверждение, выраженное публично и содержащееся в представленных суду доказательствах» [3, с. 11]. Доказывание и поддержание обвинения сводилось лишь к представлению доказательств и их формальному оспариванию присягой.

Русская Правда — первый письменный русский закон, регулировавший все правовые отношения в Киевской Руси, представляет собой сложносоставной акт, включающий множество княжеских законов. Вся Русскую Правду условно подразделяют на две части: Правда Ярослава и ряд законов, изданных с XI до начала XIII в., принимавшихся не системно, хронологически перемешанных, которые принято называть Правдой Ярославичей. Этот законодательный массив подразделяется на три редакции: «Краткая Правда», «Пространная Правда» и «Сокращенная Правда». Их изучение не позволяет поэтапно проследить эволюцию уголовного судопроизводства, обвинения и обвинительной деятельности. Поэтому с указанной целью анализировать Русскую Правду необходимо в целом, все ее редакции, независимо от времени их появления.

Русская Правда частично сохранила следы обычаев родового племенного строя, но вместе с тем в ней регламентированы и содержание обвинения, и порядок обвинительной деятельности. Статья 1 еще признает институт, с которого начался уголовный процесс, — институт кровной мести за убийство. Но вместе с тем она вводит ограничение для круга мстителей, сужая тем самым сторону обвинения до ближайших родственников убитого: «Если человек убьет человека, то мстит брат за (убийство) брата, сын за отца или двоюродный брат, или племянник со стороны сестры...» [3, с. 81].

В статье 2 Русской Правды изложен порядок обвинения и изобличения лица за нанесение вреда здоровью человека: «Если кто-либо будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетелей; если же на нем не будет никаких следов (побоев), то пусть придут свидетели; если же не может (привести свидетелей), то делу конец...» [3, с. 82].

В Русской Правде были закреплены и такие формы осуществления обвинения по уголовным делам, как «свод» и «гонение следа»: «Если кто опознает

(свою вещь у кого-либо), то нельзя ему ее взять, говоря (при этом) "мое", но пусть скажет "пойди", а свод, (выясним), где взял ее»; если (тот) не пойдет, то пусть (выставит) поручника, (что явится на свод) не позднее пяти дней. Если где-нибудь (кто) взыщет с кого-либо остальное, а тот начнет запирается, то идти ему (с ответчиком) на свод перед 12 человеками; и если окажется, что злонамеренно не отдавал (предмет иска), то (за искомую вещь) следует (заплатить) ему (т. е. потерпевшему) деньгами и (сверх того) 3 гривны вознаграждения потерпевшему» (ст. 14, 15) [3, с. 82].

Свод представлял собой процедуру отыскания истцом (обвинителем) надлежащего ответчика (обвиняемого) путем «закличи» либо свода в «тесном» смысле и присяги [4, с. 635]. В ст. 34, 35 Русской Правды в пространной редакции закреплено, что в случае «пропажи коня, оружия или одежды, и потерпевший об этом объявит на торгу, то потом, опознав в своем городе, он может взять свою вещь, имеющуюся в наличии» [3, с. 111]. При этом потерпевший не мог просто объявить о том, что является собственником, ему надлежало пойти на свод и выяснить, где взял человек опознанную им украденную вещь. А тот, у кого потерпевший (обвинитель) эту вещь отыскал, обязан выплатить штраф в три гривны за «обиду».

В «тесном» смысле свод начинался, если вещь была найдена до «заклича» либо по истечении пяти дней после «заклича», либо была найдена в другом городе. Свод велся до нахождения лиц, совершивших преступление, либо лиц, приобретших украденные вещи. Последние должны были выплатить штраф («взяти ему за обиду», если, например, свод выводит за территорию города или государства) [3, с. 88].

Подобные правила были закреплены и в отношении кражи «челяди»: «Если кто опознает и возьмет своего украденного челядина, то он (должен) вести его согласно деньгам (полученным при его перепродаже) до третьего ответчика, (у которого он) берет челядина вместо (своего) челядина, а этому (ответчику) дать опознанного, пусть ведет свод до конца, ибо это (т. е. челядин) не окот, и нельзя сказать "не знаю, у кого купил", но (следует) согласно наказаниям (челядина) идти до конца (свода); а когда окончательно будет найден вор, то возратить (опознанного) челядина (его хозяину), третьему ответчику взять своего (челядина), а вор платит убытки (хозяину) за украденного челядина и князю 12 гривен штрафа» [3, с. 125].

Гонение следа — это деятельность стороны обвинения (истца), состоящая в отыскании преступника, если он не пойман на месте преступления по оставленным следам [4, с. 636]. Русская Правда пространной редакции достаточно четко регламентировала эту разновидность уголовного преследования (обвинения): «Если вора не будет (сразу обнаружено), то искать (его) по следу; если не будет следа к (частновладельческому) селу или к торговому стану, а люди (т. е. члены верви) не отведут следа от себя и не поедут по следу (разыскивать вора) или воспротивятся (разысканию вора у них), то они платят и убытки, причиненные воровством, и штраф; если же (при разыскании) след затеряется на большой дороге, (где) и села (поблизости) не будет, или на пустыре, где не будет ни села, ни людей, (то им) не следует платить ни убытки за воровство, ни штраф» (ст. 77) [3, с. 131]. Логика была очень простой: куда след приводит — там и лицо, совершившее преступление. Если след терялся в степи или на дороге, розыск прекращался; если приводил в ту или иную общину (вервь), то на эту общину возлагалась обязанность найти преступника и выдать его властям. Если община (вервь) не отведет от себя след или «силой отстранит

истца» от розыска, то констатировалось, что в ней скрывался преступник. В обоих случаях община выплачивала «дикую виру».

Свод и гонение следа представляли собой своеобразные способы коллективной взаимопомощи соседних общин, которые объединяли большое количество людей, близких потерпевшему. Это, безусловно, расширяло число участников со стороны обвинения, но они не были обвинителями в полном понимании этого слова; их задачей было только обнаружение лица, совершившего преступление.

Поле (судебный поединок) и ордалии (испытания истины с помощью сил природы) были также характерны для осуществления обвинения в эпоху Русской Правды. Выходить на поединок должен был, с одной стороны, ответчик, а с другой — истец или его послух. Победитель признавался во всех случаях правым. Ордалии были распространены в языческую эпоху, а затем были приспособлены церковью к христианству. В Киевской Руси в ходу были испытания железом и водой. Главным условием применения ордалий являлось наличие улик и свидетелей на стороне обвинителя (истца), указывающих на обвиняемого (ответчика). В случае поимки с поличным ордалии применяться не могли [4, с. 635]. Ордалии применялись в зависимости от вида преступления. Так, согласно пространной редакции ст. 22 пространной редакции Русской Правды они увязывались с размером причиненного ущерба.

Последним способом осуществления обвинения было использование «роты» (присяги). Она могла быть дана как истцом, так и ответчиком в зависимости от обстоятельств дела (тяжести преступления), а в некоторых случаях вопрос о том, кому давать присягу, решался жребием (ст. 22, 31 Русской Правды).

В обвинительной деятельности активно использовались показания «видоков» (свидетелей — очевидцев деяния) и «послухов» (свидетелей, на которых сослался истец и ответчик). Послух был обязан явиться в суд. Его неявка могла привести к проигрышу судебного разбирательства. Послух даже мог быть вызван противной стороной на поединок. Статьей 18 Русской Правды устанавливалось достаточное количество свидетелей для оправдания виновных: семь, если это были руссы, и два, если иноземцы.

Таким образом, уже в эпоху обычаев и в период действия Русской правды обвинение представляло собой исходный элемент уголовного процесса, без которого было невозможно производство по делу. Обвинение выражалось в форме требования (иска) и сопровождалось деятельностью по изобличению лица в совершении преступления. Порядок такой деятельности зависел от вида преступления и лица, его совершившего, т. е. был дифференцированным. Принципиальной разницы между уголовным и гражданским процессом не существовало, и всякое притязание носило деликтный характер. Круг участников процесса, помимо истца-обвинителя (потерпевшего) и ответчика-обвиняемого, мог быть принудительно сужен (как в случае кровной мести) или расширен (в случае осуществления «свода» или «гонения следа»). На обвиняемого возлагалась обязанность опровергнуть обвинение, как посредством свидетелей, так и путем «ордалий», «роты», «поля».

Однако уголовное преследование и обвинение в Древней Руси не исчерпывается порядком, установленным Русской Правдой, поскольку оно осуществлялось не только должностными лицами в лице Князя и его наместников (тиунов). После принятия христианства уголовное преследование также осуществлялось и церковью, которая стремилась обеспечить защиту своих

интересов от чьих-либо посягательств и для этой цели добились получения великокняжеских специальных актов — Церковных уставов. Известны два таких устава — «Устав князя Владимира» и «Устав князя Ярослава Владимировича», которые представляют собой кодифицированные сборники норм, регулирующих взаимоотношения между церковью, государством и обществом. В них также определялось правовое положение духовенства и объем юрисдикции Русской православной церкви. Учитывая то, что Русская православная церковь получила свое начало в церкви Греческой, то и свою деятельность она строила по образцу греческих церковных законов — Номоконов (в Древней Руси они носили название «Кормчих книг») [3, с.236].

Церковь стремилась сосредоточить всю полноту репрессивных мероприятий на борьбе с преступлениями, совершенными, прежде всего, духовенством. Вместе с тем ей были подсудны дела против нравственного порядка и веры и против других складывающихся сословий Древней Руси, а также дела по всем преступлениям в отношении духовенства, дела в отношении лиц, состоявших на службе у церкви и проживавших на землях, ей принадлежащих [5, с. 4—14].

Система церковных судов была строго иерархичной: 1) Константинопольский собор; 2) Собор Русской православной церкви; 3) Епархиальный собор; 4) Местные духовные органы и десятники. При производстве в данных судах выделить саму функцию обвинения, сторону обвинения и его другие аспекты не представляется возможным, поскольку в случае рассмотрения уголовного дела собором вся полнота власти по обвинению и осуществлению правосудия была в одних руках — у Архиепископа или Епископа.

Примером такого порядка рассмотрения уголовных дел являются соборы — церковные суды над Максимом Греком и Патриархом Никоном, состоявшиеся в XV—XVI вв., но проходившие в порядке, установленном церковными уставами. Подсудимые представляли перед собором лично, допрашивались и изобличались непосредственно путем производства допросов и очных ставок со свидетелями. Допрос и ведение процесса осуществлялся или самим председателем собора, или это было поручено какому-либо «доверенному или способному лицу» — архиерею либо иному духовному лицу. После совещания членов собора решение принималось простым большинством голосов. Сначала устанавливалось церковное наказание, а потом лицо передавалось в руки светской власти для казни. По уголовным делам против еретиков и приравненных к ним преступников Русская православная церковь применяла инквизиционные методы процесса, в том числе пытки для изобличения виновных [4, с. 646].

Таким образом, в Древнерусском государстве в силу того, что преступление понималось как обида, нанесенная частному лицу, государство не вмешивалось в уголовное преследование лица, его совершившего. Процесс вели сами стороны, собиравшие и представлявшие доказательства. В этот период обвинение выступало в качестве социального (негосударственного) института, сущностью которого было высказывание потерпевшим мнения о виновности своего обидчика. Но уже это позволяет говорить о том, что обвинение возникло как многоаспектная категория. При определении обвинения изначально исходили из его двуаспектного понимания, значительно позже оно будет выделено учеными-процессуалистами в материальную и процессуальную составляющие обвинения. Фактически параллельное существование двух типов уголовного судопроизводства (обвинительно-состязательного в светском обществе и инквизиционного — церковного суда) сформировало и два представления об обвинении: в первом случае обвинение

органично встраивалось в систему правоотношений, складывающихся между пострадавшим, обвиняемым и лицом, осуществлявшим правосудие, и реализовывалось одной из сторон в процессе, где вся власть по разрешению дела принадлежала только суду (князю); во втором случае обвинение фактически «срослось» с правосудием.

Пристатейный библиографический список

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996.
2. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – Судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1913.
3. Памятники русского права. Вып. 1 : Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. М., 1952.
4. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Альфа : Равена, 1995.
5. Смирнов И. К. О церковном судостроительстве Древней России. СПб. : Типография И. И. Глазунова, 1874.

References

1. Fojnickij I. YA. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 1 [Course of criminal procedure. Vol. 1] / edited by A. V. Smirnova. St. Petersburg. : Alfa [Publishing house], 1996.
2. Sluchevskij V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. Sudoustrojstvo – Sudoproizvodstvo. 4-e izd. dop. i ispr. [Textbook of Russian criminal procedure. Judicial system – Legal proceedings. 4th ed. supplemented and corrected] St. Petersburg. : Tipografiya M. M. Stasyulevicha [Printing house of M. M. Stasyulevich]. 1913.
3. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1 : Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. [Monuments of Russian law. Issue. 1: Monuments of the law of the Kyiv state. 10th-12th centuries] / compiled A. A. Zimin; edited by S. V. YUshkov. M., 1952.
4. Shel'cov-Bebutov M. A. Kurs ugolovno-processual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh i burzhuaznyh gosudarstvah. [Course of criminal procedure law. Essays on the history of the court and criminal procedure in slave, feudal and bourgeois states] St. Petersburg. : Alfa : Ravena [Publishing house], 1995.
5. Smirnov I. K. O cerkovnom sudoustrojstve Drevnej Rossii. [On the Church Judicial System of Ancient Russia] St. Petersburg. : Tipografiya I. I. Glazunova [Printing House of I.I. Glazunov], 1874.

Евгений Петрович Сергун

*Доцент кафедры права, философии и социологии
Горно-Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: e.p.sergun@gmail.com*

**К вопросу о гражданско-правовой природе цифровой
трехмерной (3D) модели**